

Научная статья

УДК 811.134.2'06

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.11

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ В НАРРАТИВАХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАДАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НАРРАТИВОВ МЕКСИКАНЦЕВ ОБ ИСПАНСКОЙ КОНКИСТЕ)

Горностаева Юлия Андреевна

Сибирский федеральный университет,

Красноярск, Россия,

yulyatald@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления языковых маркеров культурной травмы, связанных с испанской конкистой, в нарративах социальных страданий представителей мексиканской лингвокультуры. Данная работа проведена в рамках теории культурной травмы, разрабатываемой американской социологической школой. Актуальность проблематики обусловлена: 1) чрезвычайной важностью испанской конкисты как травмирующего события; 2) самой научной концепцией культурной травматизации, позволяющей обнаруживать новые значимые и причинно-следственные отношения между ранее не связанными событиями, структурами, восприятиями и действиями. Цель исследования — описать связанный с испанским завоеванием и вербализованный в речи представителей мексиканской лингвокультуры процесс культурной травматизации и определить позволяющие детектировать данное травмирующее событие в речи языковые маркеры культурной травмы. Ведущим методом исследования является нарративный анализ, реализуемый посредством рассмотрения четырех репрезентаций травмирующего события в речи: 1) природа боли; 2) природа жертвы; 3) связь жертвы травмы с широкой аудиторией; 4) возложение ответственности. В ходе анализа в рамках каждой из репрезентаций культурной травмы выделены следующие группы ее языковых маркеров: 1) лексико-тематическая группа «Преступления», лексико-тематическая группа «Дискриминация местного населения», лексико-тематическая группа оценочных отрицательных прилагательных и существительных; 2) этнонимы, называющие коренные народы Латинской Америки; топонимы, именующие завоеванные территории; имена собственные убитых вождей майя и ацтеков; 3) замещающие наименования праздника «Día de Hispanidad» и травмирующего события «conquista»; 4) лексические и грамматические единицы, вербализующие призывы к извинению; имя главного испанского завоевателя — Эрнана Кортеса.

Ключевые слова: культурная травма, нарратив социальных страданий, репрезентация, коллективная идентичность, конкиста.

Для цитирования: Горностаева, Ю. А. (2023). Языковые маркеры культурной травмы в нарративах социальных страданий (на материале нарративов мексиканцев об испанской конкисте). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 130–146. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.11>

Original article

UDC 811.134.2*06

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.11

**LINGUISTIC MARKERS OF CULTURAL TRAUMA
IN SOCIAL SUFFERING NARRATIVES
(BASED ON MEXICAN NARRATIVES ABOUT
THE SPANISH CONQUEST)****Yulia A. Gornostaeva**

Siberian Federal University,

Krasnoyarsk, Russia,

yulyatald@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Abstract. The article aims at identifying linguistic markers of cultural trauma associated with the Spanish conquest in the social suffering narratives of the Mexicans. The research is carried out within the framework of the cultural trauma theory, developed by the American sociological school. The relevance of the problem is due to: 1) the extreme importance of the Spanish conquest as a traumatic event; 2) the very scientific concept of cultural trauma, which makes it possible to discover new significant and causal relationships between previously unrelated events, structures, perceptions and actions. The purpose of the study is to describe the process of cultural traumatization associated with the Spanish conquest and verbalized in the speech of the Mexican linguistic culture representatives, and to determine the linguistic markers of cultural trauma that make it possible to detect this traumatic event in speech. The main research method is narrative analysis, implemented by considering four representations of a traumatic event in speech: 1) the nature of pain; 2) the nature of the victim; 3) the connection of the victim of trauma with the audience; 4) the assignment of responsibility. The analysis while considering each of the representations of cultural trauma enabled to identify the following groups of linguistic markers: 1) the lexical-thematic group «Crime», the lexical-thematic group «Discrimination of the local population», the lexical-thematic group of negative evaluative adjectives and nouns; 2) ethnonyms naming the indigenous peoples, toponyms naming the conquered territories; proper names of slain Mayan and Aztec leaders; 3) substitute names for the holiday «Día de Hispanidad» and the traumatic event «conquista»; 4) lexical and grammatical units that verbalize calls for an apology; the name of the main Spanish conqueror — Hernan Cortes.

Keywords: cultural trauma, narrative of social suffering, representation, collective identity, conquest.

For citation: Gornostaeva, Yu. A. (2023). Linguistic markers of cultural trauma in social suffering narratives (based on Mexican narratives about the Spanish conquest). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 130–146. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.11>

Введение

Происходящие события в стране и мире никогда не остаются незамеченными, они всегда имеют свои экономические, политические и психологические последствия. Разного рода драматические события — войны, завоевания, пандемии и т. п. — травмируют общество и обязательно отражаются в языке. Процесс культурной травматизации представляет несомненный интерес в рамках социологических, лингвистических и политологических исследований, поскольку он напрямую связан с формированием коллективной идентичности и конструированием коллективной памяти.

В Латинской Америке таким травмирующим событием стала испанская конкиста, начавшаяся с момента открытия Колумбом Америки и закончившаяся уничтожением древних цивилизаций. День испанской нации, который отмечается 12 октября, вызывает противоречивые чувства у представителей испаноязычной лингвокультуры, ведь в латиноамериканском обществе из поколения в поколение передаются воспоминания о тех травмирующих событиях.

Культурная травма традиционно представлена преимущественно в трудах зарубежных социологов и лингвистов, которые рассматривают ее во взаимосвязи с коллективной идентичностью. Самой известной работой, описывающей процесс культурной травматизации, стала книга «Cultural Trauma and Collective Identity», созданная коллективом авторов — разработчиков данной теории — Дж. Александером, Р. Айерманом, Б. Гизеном, Н. Смелзером и П. Штомпкой (Alexander, 2004).

Р. Айерман рассматривал культурные последствия рабства для афроамериканской коллективной идентичности (Euerman, 2001). Н. Смелзер уделял внимание механизмам конструирования культурной травмы, противопоставляя ее травме психологической (Smelser, 2004). Б. Манц исследовал геноцид в деревне майя в Гватемале с точки зрения теории культурной травмы (Manz, 2002). Б. Гизен изучал культурную травму в постнацистской Германии в контексте формирования национальной идентичности вокруг фигуры преступника и комплекса вины, связанного с Холокостом (Giesen, 2004). Отметим, что Холокост как культурная травма и другие массовые убийства в призме данной научной теории привлекали внимание всего коллектива авторов американской социологической школы, а результаты их исследований были представлены в совместных публикациях (Alexander, 2016).

Культурная травма в отечественной науке изучалась не так активно, в основном небольшим числом ученых-социологов и философов. Так, исследовались различные траектории социальной памяти и формы ее мифологизации (Будюкин и Линченко, 2015), в том числе в контексте войны и Холокоста (Линченко, 2018). Объектом исследования некоторых философов становились травмы культурной памяти в аспекте концептуального анализа (Аникин и Головашина, 2017). Историки уделяют внимание репрезентации культурной травмы и описывают музеефикацию Холокоста (Рождественская, 2017). Отметим, что языковая репрезентация культурной травмы не представлена в трудах отечественных лингвистов.

Данное исследование реализовано в русле теории культурной травмы, разработанной социологами Дж. Александером и П. Штомпкой. В качестве **объекта** исследования выступает связанный с испанской конкистой и репрезентированный в нарративах социальных страданий представителей мексиканской лингвокультуры процесс культурной травматизации. **Предмет** исследования — языковые маркеры культурной травмы.

Цель исследования: описать процесс культурной травматизации, сопряженный с испанской конкистой и вербализованный в речи носителей испанского языка из Мексики, и определить языковые маркеры культурной травмы, которые дают возможность детектировать это травмирующее событие в речи.

Актуальность темы обусловлена чрезвычайной важностью испанской конкисты как травмирующего события, изменившего ход истории всего человечества, а также самой научной концепцией культурной травматизации, позволяющей обнаруживать новые значимые и причинно-следственные отношения между ранее не связанными

событиями, структурами, восприятиями и действиями, в том числе посредством выделения языковых маркеров культурной травмы.

Научная новизна работы обусловлена объектом исследования — процессом культурной травматизации, вызванной конкистой, языковые аспекты которой еще не рассматривались в научных работах отечественных и зарубежных ученых, в том числе с позиции травмирующего события.

Культурная травма как социальный процесс в контексте формирования коллективной идентичности

В XX веке люди впервые стали говорить на языке травмы о том, что они травмированы определенными событиями прошлого и испытывают связанные с ними переживания в настоящем. Это происходило под влиянием новых непредвиденных и нежелательных обстоятельств, сложившихся в силу травмирующего социально значимого события, оказавшего значительное влияние на мироощущение граждан (Alexander, 2004). Язык травмы стал средством вербализации травмирующих смыслов, инструментом выражения психологических переживаний людей.

Так, ключевым понятием нашего исследования является «культурная травма», определяемая как «эмпирическая научная концепция, предполагающая новые значимые причинно-следственные отношения между ранее не связанными событиями, структурами, восприятиями и действиями» (здесь и далее перевод наш. — Ю. Г.) (Alexander, 2004, p. 12); это исторический опыт народа, испытавшего на себе последствия травмирующего события (Alexander, 2004), который репрезентирован в языке. Данный вид травмы — это нестабильное социальное состояние, «травматическая последовательность или динамичный, развивающийся процесс» (Sztompka, 2000, p. 453).

Культурная травма взаимосвязана со смежным понятием «культурный шок», которое позиционируется как начальная ступень травматической последовательности. Культурный шок — это сложный и болезненный для человека процесс, в ходе которого происходит ломка существующих стереотипов, вследствие чего затрачиваются физические и психологические ресурсы индивида. Культурный шок возникает как ответ на травмирующее событие или воспоминание о нем, когда происходит делегитимация и перестройка фундаментальных ценностей культуры, основ идентичности и коллективной гордости (Sztompka, 2000).

Не всякое социально значимое изменение может быть квалифицировано как культурная травма, которая, будучи травмирующим процессом перестройки социального строя, характеризуется следующими конститутивными признаками: 1) происходит в период дезорганизации и несогласованности общества (Sztompka, 2000, p. 453); 2) влечет внезапные и быстрые изменения; 3) имеет радикальный, глубокий и всесторонний характер, затрагивающий фундаментальные основы общества; 4) воспринимается представителями лингвокультуры как навязанные, экзогенные, приходящие извне изменения; 5) ощущается как неожиданные, непредсказуемые, удивительные, шокирующие и отталкивающие изменения (Sztompka, 2000, p. 452).

Как отмечает Дж. Александер, чтобы травмы проявились на коллективном уровне, социальные кризисы должны стать культурными. Травма — это результат того, что дискомфорт и боль проникают в суть коллективной идентичности (Alexander, 2004).

Культурная травма также может появиться через опосредованное переживание событий, конструируемое средствами массовой информации. «Массово-опосредованный опыт всегда предполагает избирательное конструирование и репрезентацию, поскольку то, что визуализируется, является результатом действий и решений профессионалов относительно того, что является значительным и как это должно быть представлено» (Eyerman, 2004, p. 62).

Культурная травма всегда подрывает один или несколько важнейших компонентов культуры и общества (Smelser, 2004). В дополнение к своим разрушительным социальным последствиям травмирующие события также порождают кризис культуры и идеологической системы. Нарушения в социальной системе незамедлительно вызывают изменения в культурной системе общества, и наоборот, поскольку все элементы системы взаимосвязаны.

«Травма — это коллективный феномен, состояние, испытываемое группой, сообществом или обществом в результате разрушительных событий, культурно интерпретируемых как травмирующие» (Sztompka, 2000, p. 458). Культурная травма всегда влияет на коллектив и поэтому не может быть индивидуальным психологическим нарушением.

Как культурный процесс травма сопряжена с формированием коллективной идентичности и конструированием коллективной памяти. Культурная травма чревата потерей идентичности и смысла, изменениями в социальной структуре группы людей, достигшей определенной степени сплоченности (Eyerman, 2004).

Влияние культурной травмы заметно сильнее, если наблюдаются значительные различия между устоявшимся образом жизни и новым, созданным впоследствии травматического события, что, в свою очередь, порождает искаженное формирование коллективной идентичности.

Культурная травма неизбежно влечет за собой появление новых элементов в языке, поскольку отдельные личности как члены социальной группы транслируют символические характеристики травмирующего общества событий.

Так, в религии лингвистический аспект культурной травмы проявляется в связи процесса травматизации и теодицеи, когда задачей языка служит объяснение и оправдание наличия мирового зла (Alexander, 2004). В литературе языковые изменения, вызванные культурной травмой, находят отражение в новых жанрах и особенностях повествования, которые направлены на образную идентификацию травмы и эмоциональный катарсис. Например, после трагических событий Холокоста, фашизма, этноцида в Гватемале, геноцида индейцев в Северной и Южной Америке сформировался особый жанр — «литература выживших» (Hayes, 1999).

«Когда средства массовой информации пытаются обозреть травматический процесс, он приобретает новые возможности языкового выражения, но в то же время подвергается изменениям из-за особого рода ограничений» (Alexander, 2004, p. 18). Опосредованная среда СМИ позволяет драматизировать травмирующие события, вольно интерпретировать их, что, в свою очередь, дает возможность оказывать влияние на граждан.

Когда культурная травма затрагивает правовую сферу жизни общества, она требует наличия в языке способов самовыражения, т. е. терминов для определения процесса травматизации и вынесения вердиктов относительно юридических обязанностей, наказаний за преступления и материальной компенсации (Alexander, 2004).

Таким образом, в реальной речевой практике лингвистический аспект культурной травмы находит выражение в различных сферах жизни общества. Язык культурной травматизации во многом обусловлен особенностями социальных институтов, иерархией и стратификацией, иными словами, язык выступает в качестве посредника между жертвами и виновными социального насилия. Репрезентация культурной травмы формирует новый господствующий нарратив социальных страданий, который получил освещение в трудах философов и социологов, однако собственно лингвистический аспект нарратива социальных страданий незаслуженно игнорировался.

Нарратив социальных страданий как пространство трансляции травматического опыта

Под нарративностью понимается особая структура излагаемого материала, предполагающая рассказ истории об определенном событии, изменившем исходную ситуацию: 1) внешнем естественном, акциональном и интеракционном событии; 2) внутренней ситуации того или другого персонажа — ментальном событии (Шмид, 2003, с. 10).

Нарратив рассматривается как смысловое единение содержания и события наррации (Тюпа, 2002). При этом событийная канва повествования должна отражать нарушение первоначального состояния равновесия, т. е. элементы нарратива должны быть связаны не только временными, но и трансформационными отношениями (Троцук, 2006).

Событийность и темпоральность — это два конститутивных признака нарратива, который «рассматривается как структурно заданный жанр, имеющий начало, конец, протагониста и события, расположенные в линейном порядке» (Кутковая, 2014, с. 28).

В рамках нарративного подхода существует несколько векторов его изучения и определения. Так, Д. Макадамс понимает под нарративом жизненную историю как основу идентичности человека в модернистском обществе. Он отмечает важность проведения анализа отдельных жизненных эпизодов, который позволяет сделать акценты не на сюжете, а на переживании, сфокусироваться на изучаемых аспектах идентичности (McAdams, 2011).

У. Лабов и Дж. Валецки изучают нарратив как структурированную определенным образом схему организации и воспроизведения опыта прошлого и предлагают модель структурного анализа нарратива (Labov, Waletzky, 1966).

По мнению А. де Фина, нарратив дает возможность человеку структурировать понимание самого себя и свой жизненный опыт. Нарратив занимает центральное место в изучении идентичности и выступает способом ее выражения, конструирования и воплощения (De Fina, 2003).

Немаловажно отметить, что, поскольку нарратив отражает опыт не только отдельного индивида, но и целой лингвокультуры (Обдалова и Левашкина, 2019), а также во многом обусловлен текущим социокультурным контекстом речемыслительной деятельности, в более поздних исследованиях лингвистами все чаще вводится термин «дискурс»: ввиду своей сложности и многоаспектности он позволяет соотнести человека, его дискурсивную деятельность и культуру, проанализировать социальный контекст, в котором находятся участники коммуникации. Дискурсивная деятельность всегда сопряжена с познанием, осмыслением и интерпретацией языковой картины

мира его участников в процессе речемыслительной деятельности (Обдалова, Минакова и Соболева, 2016). Так, в парадигму современной лингвистической науки вводится понятие нарративного дискурса, который представляет собой комплексное речевое действие, реализуемое по определенной схеме (Егоршина, 2002).

А. Хасимото работает в русле теории культурной травмы и выделяет три категории нарратива. Главным критерием выступает оценка морального значения военных и политических действий и их влияние на формирование будущего травмируемой группы. Автор пишет о следующих категориях нарратива (Hashimoto, 2015):

1. Нарратив о павших национальных героях. Героические повествования, как правило, содержат дискурс о долге, который часто звучит в официальных речах на торжественных мероприятиях. Направлены на поддержание чувства гордости за национальную принадлежность и отвлечение внимания от вины государства в развязывании войны.

2. Нарратив сопереживания и отождествления с жертвами трагедий: преобладают семейные истории о травмирующем опыте, описывающие страдания жертв как результат жестокого, бездушного угнетения и непростительных актов пыток и насилия.

3. Нарратив о раскаявшемся преступнике, в котором ему выражается сожаление. Данная категория нарратива вербализуется в журналистских расследованиях, документальных фильмах, академических публикациях и интеллектуальных дискуссиях, а также в мемуарах и рассказах ветеранов (Hashimoto, 2015).

Ведущим методом исследования нарратива служит нарративный анализ — совокупность методов изучения текста, повествовательных конструктов, в которых «язык представляется как посредник, недвусмысленно передающий неизменные и единственные значения» (Ярская-Смирнова, 1997, с. 40). Проводя нарративный анализ, мы можем «прояснить, насколько случайны применяемые термины и выражения для конкретной культурной и исторической ситуации» (Ярская-Смирнова, 1997, с. 53).

Говоря о методологии изучения нарративов в их неразрывной связи с культурой, нельзя не упомянуть о полевых лингвистических исследованиях нарративов верхнекускоквимцев, носителей одного из атабаскских языков на Аляске, реализованных отечественными языковедами и позволивших подробно описать уникальные грамматические явления языка атабасков Верхнего Кускоквима, а также выявить векторы русского культурного и языкового влияния на представителей данной лингвокультуры (Кибрик, 2018).

Предметом изучения в нарративном анализе выступает рассказанная история, или повествование, с точки зрения способов упорядочивания опыта в последовательную цепь событий (Троцук, 2006).

Нарративный анализ предполагает, что исследователь становится частью жизненной ситуации, описываемой респондентом, и на основе собственных навыков эмпатии с помощью нарративного анализа способен выявить языковые маркеры, выражающие чувствительность рассказчика к историческим деталям, чтобы осознать степень их влияния на настоящее и будущее.

Нарративы о травме — это особый тип нарративов, национальное наследие, с помощью которого члены группы могут поделиться своими переживаниями с потомками. Нарративы о травмируемом событии являются коммуникативным пространством трансляции травматического опыта и в концепции Дж. Александера названы «нарративами социальных страданий». С помощью нарративного анализа и других

лингвистических методов нам представляется возможным провести анализ нарративов социальных страданий на предмет выделения языковых маркеров культурной травмы — универсальных языковых единиц, позволяющих детектировать наличие культурной травмы, связанной с испанской конкистой, у представителей мексиканской лингвокультуры. Нарративный анализ в рамках теории культурной травмы проводится с опорой на рассмотрение четырех репрезентаций травмы на языковом уровне. Репрезентация травмы, в свою очередь, — это рассказ новой истории, которая в то же время является сложным и многозначным символическим процессом. Дж. Александер вводит понятие господствующего нарратива (*master narrative*), в создании которого важную роль играют четыре репрезентации (Alexander, 2004):

1. Природа боли. Что именно произошло с определенной группой или целой общностью, к которой эта группа принадлежит?

2. Природа жертвы. Какая группа людей испытала травмирующую боль? Были ли это конкретные индивиды/группы или народ в целом? Приняла ли на себя основную тяжесть боли единственная и ограниченная группа, или в этом были замешаны несколько групп?

3. Связь жертвы травмы с более широкой аудиторией. В какой степени аудитория, которой репрезентируется травма, ощущает идентичность с группой, непосредственно подвергшейся нападению?

4. Возложение ответственности. Для создания убедительного нарратива о травме крайне важно установить личность преступника — антагониста. Кто травмировал жертву? Кто вызвал травму? Этот вопрос всегда является вопросом символического и социального конструирования.

Испанская конкиста как травмирующее событие и языковые маркеры культурной травмы: результаты и дискуссия

Флотилия под командованием Христофора Колумба 12 октября 1492 года достигла острова, позднее получившего название Сан-Сальвадор. Таким образом, было положено начало отношениям между Америкой и остальным миром. Развитие коренного населения Америки было прервано европейскими завоевателями-конкистадорами. Индейцы отличались от европейцев своим языком, верованиями, обычаями, традициями, а также имели физические особенности: цвет кожи, разрез глаз, рост и телосложение. Конкистадоры стремились покорить народы и завоевать земли для обогащения Испании. Представители коренного населения считались язычниками, поэтому для европейских государств, в которых господствовала католическая религия, они не имели юридических прав: это означало, что для «легитимации господства испанской короны было достаточно самого факта открытия Америки и ее захвата» (Роблес Эррера и Малинко, 2018, с. 95).

Духовенство навязывало христианскую религию, колонизаторы грабили, истребляли и порабощали коренное население, испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное развитие американских индейцев.

Испанская конкиста была приостановлена 16 апреля 1550 года Карлом I, тогда была проведена дискуссия «Вальядолидская хунта» (*исп. La Junta de Valladolid*,

дословно: «Собрание в Вальядолиде»). Юристы и теологи обсуждали гуманность и законность методов конкисты. «Европейское доминирование сохранялось в течение длительного периода, и 300 лет колонизации привели к таргетированию европейских моделей власти на латиноамериканскую почву» (Роблес Эррера и Малинко, 2018, с. 97).

Таким образом, испанское завоевание стало одним из наиболее драматических травмирующих событий для жителей Нового Света, оказало значительное влияние на все сферы жизни общества, в том числе на формирование культурной идентичности и самоидентификацию народов Латинской Америки, привело к перестройке социальной системы. Можно с уверенностью полагать, что жителям поработанных территорий была нанесена культурная травма, а связанные с ней переживания потомки испытывают до сих пор, что определенным образом вербализовано в языке.

Мы провели анализ нарративов социальных страданий (в терминологии Дж. Александера) на испанском языке представителей мексиканской лингвокультуры о конкисте в соответствии с описанной Дж. Александром схемой языковой репрезентации культурной травмы. Материал исследования отбирался методом целевой выборки: анализировались нарративы представителей мексиканской лингвокультуры о конкисте, задействовались как письменные, так и устные источники. Были проанализированы нарративы действующего президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (Andrés Manuel López Obrador), мэра Мехико Клаудии Шейнбаум (Claudia Sheinbaum), мексиканских историков и антропологов Родриго Мартинеса Баракса (Rodrigo Martínez Baracs) и Гийема Оливье (Guilhem Olivier), археолога Маргариты Коссич (Margarita Cossich), активистов и лидеров сообществ коренных народов Мексики (Iaku Signingioy и др.), а также некоторых представителей мексиканской политической элиты.

Были отобраны нарративы о конкисте представителей мексиканской правящей элиты, а также других авторитетных персоналий Мексики, имеющих определенное отношение к данному травмирующему событию в силу своей профессиональной деятельности (археологи, историки, общественные активисты) или этнической принадлежности (представители коренных народов Мексики), с 2019 по 2022 год, которые были опубликованы в различных периодических изданиях, на страницах официальных государственных структур (например, правительства Мексики), а также выложены на видеохостинге YouTube. Мы остановились на данном временном отрезке, поскольку именно с 2019 года в мексиканском нарративном дискурсе усилились антииспанские настроения, что было связано с официальным письмом действующего президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора Королю Испании с требованием извинений за события, развернувшиеся в эпоху испанского завоевания. Общий объем анализируемого материала — более 182 000 знаков и 4 часа 15 минут видео. Нами были выделены группы языковых маркеров культурной травмы, сигнализирующие о наличии каждого из компонентов ее языковой репрезентации в нарративе социальных страданий.

Под языковым маркером понимается вычленяемая, подлежащая формализации и дальнейшей параметризации языковая единица, указывающая на присутствие в тексте некоторого более сложного, не поддающегося параметризации явления. При этом для всех типов маркеров характерно свойство появляться в тех же контекстах, что и некое искомое явление (Колмогорова и Горностаева, 2021).

В ходе проводимого анализа в основе выделения типов языковой репрезентации культурной травмы лежал тематический критерий: анализируемый языковой фрагмент, соотносимый нами с определенным типом языковой репрезентации, должен отражать обозначенные Дж. Александером тему и смысловое содержание данного типа. Первый тип языковой репрезентации — **природа боли** — предусматривает описание травматических событий, которые произошли с определенной общностью, и в нашем случае раскрывается через описание происходящего времен испанской колонизации. Можно выделить несколько групп языковых маркеров, идентифицирующих природу боли и включающих в себя лексические единицы с различной семантикой (табл. 1) (здесь и далее курсив и полужирное выделение в приведенных примерах, а также перевод на русский язык наши. — Ю. Г.):

Таблица 1 / Table 1

Маркеры языковой репрезентации природы боли
Markers of linguistic representation of the nature of pain

Лексико-тематическая группа	Примеры*	Лексические единицы, входящие в группу языковых маркеров**
Преступления (убийства, уничтожение природных ресурсов, разрушение)	<p>(1) <i>Genocidas emprendidas</i>. <...> <i>la conquista se realizó mediante innumerables crímenes y atropellos</i> <...>. ‘Совершались геноциды. <...> Конкиста происходила через бесчисленные преступления и произвол <...>’.</p> <p>(2) <i>Se realizó un sostenido saqueo de las riquezas naturales</i>. ‘Происходило постоянное разграбление природных ресурсов’.</p> <p>(3) <i>Tanto pueblo arrasado, saqueado y quemado</i> <...>. <i>Tantas mujeres violadas</i>. ‘Столько уничтоженных, ограбленных и сожженных заживо людей <...>. Столько изнасилованных женщин’.</p> <p>(4) <i>Durante la Colonia se vulneraron derechos individuales y colectivos</i>. ‘Во времена колонизации нарушались индивидуальные и коллективные права’</p>	<p><i>Crimen</i> (преступление), <i>destrucción</i> (разрушение), <i>genocida</i> (геноцид), <i>atropello</i> (произвол), <i>saqueo</i> (грабёж), <i>delito</i> (преступление), <i>arrasar</i> (уничтожить), <i>quemar</i> (сжечь), <i>violar</i> (насиловать), <i>matar</i> (убивать), <i>matanza</i> (убийство), <i>derrotar</i> (разрушить), <i>vulnerar derechos</i> (нарушать права)</p>
Дискриминация местного населения	<p>(1) <i>Se implantó un ordenamiento social basado en la segregación de castas y razas</i>. ‘Установлен общественный строй, основанный на сегрегации по кастовому и расовому признакам’.</p> <p>(2) <i>Se instauraron la esclavitud y las encomiendas</i>. ‘Введены рабство и командорство’.</p>	<p><i>Segregación de castas y razas</i> (сегрегация по кастовому и расовому признаку), <i>discriminación</i> (дискриминация), <i>racista</i> (расистский), <i>esclavitud</i> (рабство), <i>imponer</i> (навязывать), <i>usurpar</i> (узурпировать)</p>

Лексико-тематическая группа	Примеры*	Лексические единицы, входящие в группу языковых маркеров**
	(3) <i>Las tierras propiedad de los naturales fueron usurpadas y repartidas a colonizadores y a órdenes religiosas.</i> ‘Земли, принадлежащие туземцам, были узурпированы и розданы колонизаторам и религиозным орденам’. (4) <i>Se impuso la lengua castellana.</i> ‘Был навязан испанский язык’	
Отрицательно-оценочные прилагательные и существительные	(1) <...> <i>un acontecimiento fundacional de la actual nación mexicana, sí, pero tremendamente violento, doloroso y transgresor</i> <...>. ‘<...> Да, это фундаментальное для мексиканской нации событие, но чрезвычайно жестокое, болезненное и преступное <...>’	<i>Violento</i> (жестокий), <i>doloroso</i> (болезненный), <i>transgresor</i> (преступный), <i>horrible</i> (ужасный), <i>terrible</i> (ужасный), <i>horroroso</i> (ужасный), <i>espantoso</i> (отвратительный), <i>catástrofe</i> (катастрофа), <i>atrocidad</i> (злодеяние, зверство), <i>invasión</i> (вторжение), <i>ocupación</i> (оккупация), <i>intervención</i> (интервенция), <i>intrusión</i> (вторжение)

* Примеры взяты из письма президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора королю Испании Филиппу VI от 01.03.2019 (Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España, 2019) и речи в честь 500-летия падения Теночтитлана (Discurso 500 años de Resistencia Indígena, 2021).

** Выделены на основе анализа отобранного языкового материала.

Второй тип — **природа жертвы** — предполагает наименование и описание группы людей, которая приняла на себя основную тяжесть боли, и вербализована главным образом посредством упоминания коренных народов майя и ацтеков, испытавших на себе всю тяжесть данного травмирующего события. Например, языковыми маркерами, указывающими на природу жертвы, служат сами этнонимы *maya*, *aztecos*, *yaqui*, *indios* и их обобщенные наименования (*pueblos / culturas mesoamericanos / indígenas*), топонимы, называющие ключевые города-государства древних цивилизаций, захваченные и разрушенные колонизаторами (*Tenochtitlan*), а также упоминание убитых испанцами вождей (*Cuauhtémoc*). Кроме того, в нарративах социальных страданий нередко упоминаются жители Филиппин (*filipinos*) и Экваториальной Гвинеи (*ecuatoguineanos*) в качестве жертв испанской колонизации. Примеры 10–12 демонстрируют данный аспект языковой репрезентации конкисты.

(1) *Se emprendió la destrucción sistemática de las **culturas mesoamericanas**.* ‘Происходило систематическое уничтожение **мезоамериканских культур**’ (из письма президента Мексики королю Испании), (Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España, 2019).

(2) *Hoy, 13 de agosto, fecha funeral, como diría el maestro Carlos Pellicer, recordamos la caída de la gran Tenochtitlan y ofrecemos perdón a las víctimas de la catástrofe originada por la ocupación militar española de **Mesoamérica** y del resto del territorio de la actual República mexicana.* ‘Сегодня, 13 августа, в похоронную дату, как сказал бы

маэстро Карлос Пеллисер, мы вспоминаем падение великого Теночтитлана и просим прощения у жертв катастрофы, которая произошла из-за испанской военной оккупации Мезоамерики и всей остальной территории современной Мексики' (из речи в честь 500-летия падения Теночтитлана), (Discurso 500 años de Resistencia Indígena, 2021).

(3) *Así lo aprueban los cargos fincados por la justicia española al propio Cortés en los Juicios de Residencia a los que fue sujeto (1518–1547), de los que es emblemático el encarcelamiento y asesinato de Cuauhtémoc, último mandatario azteca, en 1525.* 'Это подтверждается обвинениями, выдвинутыми испанской судебной системой против самого Кортеса на инициированных над ним процессах (1518–1547). Одним из наиболее показательных обвинений является заключение в тюрьму и убийство последнего вождя ацтеков Куаутемока в 1525 году' (из письма президента Мексики королю Испании), (Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España, 2019).

Третий тип — **связь жертвы травмы с более широкой аудиторией** — проявляется в степени ощущения идентичности аудитории с группой, непосредственно подвергшейся нападению, и находит отражение в нескольких аспектах, демонстрирующих чувство идентичности жителей современной Мексики с племенами и народами, подвергшимися нападению испанских колонизаторов.

Одним из маркеров данного типа репрезентации культурной травмы являются, на наш взгляд, уникальные современные наименования праздника *Día de Hispanidad* (День испанской нации), который ежегодно с размахом отмечается во всех испаноязычных странах 12 октября — в день, когда Колумб открыл Америку. Это день испанского языка, культуры и единения народов, который в последние десятилетия вызывает отторжение у представителей латиноамериканских стран, в связи с чем был официально переименован в большинстве из них. Мы полагаем, что мексиканцы идентифицируют себя с коренными народами, подвергшимися насилию со стороны испанских завоевателей, поэтому традиционное наименование праздника, отражающее принадлежность к испанской нации и непосредственную связь с Испанией, вызывает у них негативные и болезненные эмоции, что на языковом уровне реализуется посредством своеобразной эвфемизации — перифраза, замещающего лексические единицы, вербализующие нелицеприятные факты действительности времен испанской конкисты. В Мексике День испанской нации сначала получил название *Día de la raza* 'День расы', а в 2020 году указом президента официально переименован в *Día de la Nación Pluricultural* 'День многокультурной нации'. Для сравнения: в Аргентине, например, данный праздник в 2010 году получил номинацию *Día del Respeto a la Diversidad Cultural* 'День уважения культурного разнообразия', а в Боливии в 2011 году — *Día de Descolonización* 'День деколонизации'. Во многих латиноамериканских государствах он называется *Día de la Resistencia Indígena* 'День сопротивления местного населения'.

Еще одним важным маркером, указывающим на связь широкой аудитории и жертв испанской колонизации, является эвфемизм *la resistencia indígena* (сопротивление коренных народов), который в настоящее время все чаще употребляют мексиканцы вместо термина *conquista* (завоевание). Так, президент Мексики в своей речи в честь 500-летней годовщины со дня падения Теночтитлана предложил использовать данную лексическую единицу вместо привычного термина *conquista*. Это доказывает, что испанское завоевание до сих пор вызывает болезненные ассоциации у представителей мексиканской лингвокультуры, которые идентифицируют себя с жертвами конкистадоров.

В нарративах мексиканцев ярко проявляется четвертый тип языковой репрезентации культурной травмы — **возложение ответственности**. Представители мексиканской лингвокультуры не только перекалывают всю ответственность и вину на Испанию, но и требуют от испанцев официальных извинений за конкисту. Поэтому языковые единицы, вербализующие призывы к извинению и признанию своей вины, можно отнести к категории маркеров культурной травмы, раскрывающих данный аспект репрезентации травмы. Требование извинений нередко выражается лексико-грамматическими конструкциями долженствования с инфинитивами (*deber + infinitivo, tener que + infinitivo, hay que + infinitivo*). Кроме того, своеобразным грамматическим маркером возложения ответственности и требования извинений становится *modo subjuntivo*, которое используется в сложноподчиненных предложениях с двумя подлежащими, где первая часть выражает желание/призыв/требование (*desea que + subjuntivo, pedir que + subjuntivo, querer que + subjuntivo* и т. п.). В сочетании с элементами дискурса извинения (например, *admitir responsabilidad / errores, pedir perdón, ofrecer disculpas / resarcimientos / reconciliación*) конструкции долженствования и *modo subjuntivo* могут быть отнесены к категории маркеров культурной травмы и в дальнейшем параметризованы (примеры 13–15).

(4) *México desea que el Estado español admita su responsabilidad histórica por esas ofensas y ofrezca las disculpas o resarcimientos políticos que convengan*. ‘Мексика желает, чтобы испанское государство **признало свою историческую ответственность** за эти преступления и **принесло извинения** или **предложило** соответствующую политическую **компенсацию**’ (из письма президента Мексики королю Испании), (Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España, 2019).

(5) *Se debe hacer un ejercicio de reconciliación a nivel mundial en la búsqueda de que los pueblos puedan conocer las verdades <...> y además desde el perdón*. ‘**Нужно примириться** на мировом уровне, чтобы народы смогли узнать правду <...> и помимо всего прочего — **принести извинения**’ (из речи лидера сообщества коренных народов Мексики Иаку Синингиоя), (Debe España Pedir perdón por la Conquista, 2019).

(6) *No me siento agraviado por la Conquista, sólo creo que a los pueblos indígenas sí les vendría muy bien recibir esas disculpas. Considero que sería una postura muy moderna del estado español el admitir que en el pasado se cometieron errores*. ‘Лично я не чувствую себя обиженным из-за конкисты, я просто считаю, что коренным народам действительно было бы полезно **получить извинения**. Я полагаю, что для испанского государства было бы своевременным **признать, что** в прошлом **допущены ошибки**’ (из речи политика Луиса Барсенаса), (La disculpa por la Conquista que España (ya no) le debe a México, 2021).

Кроме того, четвертый тип репрезентации травмы предполагает установление личности виновного — того, кто травмировал жертву. В нарративах социальных страданий мексиканцев главным антагонистом является Эрнан Кортес, поэтому его упоминание (*Hernán Cortés*) можно также рассматривать в качестве языкового маркера возложения ответственности.

Заключение

Процесс культурной травматизации — это осознание народом наличия угрозы для существующего порядка и безопасности в результате особого исторически

значимого социального изменения — травмирующего события, которое приводит к потере коллективной идентичности и проявляется ярче всего в дезорганизованном и несогласованном обществе. Культурная травма хранится в коллективной памяти и бездействует в коллективном подсознании до тех пор, пока у социума не возникает необходимость говорить о том, что для него важно. Так, разворачивается особый жанр — нарратив социальных страданий, который представляет собой коммуникативное пространство трансляции травмирующего опыта и позволяет человеку структурировать понимание самого себя и конструировать коллективную идентичность.

Язык в нарративах социальных страданий выступает в качестве посредника между жертвами и виновными социального насилия, а языковая репрезентация травмы — это сложный и многозначный символический процесс, вербализующий такие аспекты, как: 1) природа боли; 2) природа жертвы; 3) связь жертвы травмы с широкой аудиторией; 4) возложение ответственности.

Проводимый в рамках настоящего исследования анализ языковой репрезентации культурной травмы в нарративах социальных страданий мексиканцев о конкисте позволил не только изучить содержание жизненного опыта представителей мексиканской лингвокультуры, но и рассмотреть формы рассуждения о нем — выявить языковые маркеры культурной травмы, позволяющие детектировать данное травмирующее событие в речи. Общая для всех типов маркеров функция — появляться в тех же контекстах, что и искомое исследователями явление. В нашем случае выявленные нами языковые маркеры выполняют данную функцию, а также с регулярностью коррелируют с ментальными процессами, регулируемыми продуцирование и интерпретацию нарратива об испанском завоевании.

Кроме того, можно сделать вывод о том, что нарративы социальных страданий используются для реализации манипуляции в массмедийном пространстве Мексики, направленной против испанских властей. В мексиканских СМИ преобладает явная негативная языковая репрезентация травмирующего события в целях делегитимации испанской колонизации, оказывающая манипулятивное воздействие на широкий круг читателей — жертв культурной травмы, которая спустя сотни лет формируется именно через медиа-опосредованный опыт.

В настоящий момент ведется работа над дизайном эксперимента с участием респондентов из Латинской Америки, в рамках которой посредством нарративного интервью, мотивирующего респондентов к описанию травмирующего опыта, предполагается записать нарративы социальных страданий о конкисте. Таким образом, в качестве перспектив данного исследования мы видим расширение языкового материала для получения более достоверных данных, что, в свою очередь, позволит использовать выделенные языковые маркеры культурной травмы в качестве параметров для разработки алгоритма автоматического обнаружения травмирующего опыта в речи на языке программирования Python.

Список источников

1. Alexander, J. C. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. University of California Press.
2. Eyerman, R. (2001). *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African Identity*. Cambridge University Press.
3. Smelser, N. J. (2004). Psychological Trauma and Cultural Trauma. *A Cultural Trauma and Collective Identity* (pp. 31–59). University of California Pres.

4. Manz, B. (2002). Terror, Grief, and Recovery: Genocidal Trauma in a Mayan Village in Guatemala. *Annihilating Difference: The Anthropology of Genocide* (pp. 292–309). University of California Press.
5. Giesen, B. (2004). *Triumph and Trauma*. Paradigm Publishers.
6. Alexander, J. C. (2016). Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of ‘Holocaust’ and other mass murders. *Thesis Eleven: SAGE Journals*, 1, 3–16.
7. Будюкин, Д. А., & Линченко, А. А. (2015). Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. *Диалог со временем*, 53, 384–391.
8. Линченко, А. А. (2018). Прошлое, которое не уходит: память о войне и холокосте в Литве. *Диалог со временем*, 63, 378–382.
9. Аникин, Д. А., & Головашина, О. В. (2017). Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования. *Вестник Томского государственного университета*, 425, 78–84.
10. Рождественская, Е. (2017). Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста. *Логос*, 5, 87–114.
11. Sztompka, P. (2000). Cultural Trauma: The Other Face of Social Change. *The European Journal of Social Theory*, 3(4), 449–466.
12. Eyerman, R. (2004). Cultural Trauma. *A Cultural Trauma and Collective Identity* (pp. 30–60). University of California Press.
13. Hayes, P. (1999). *Lessons and Legacies. Memory, Memorialization, and Denial*. Northwestern University Press.
14. Шмид, В. (2003). *Нарратология. Языки славянской культуры*.
15. Тюпа, В. И. (2002). Очерк современной нарратологии. *Критика и семиотика*, 5, 5–31.
16. Троцук, И. В. (2006). *Теория и практика нарративного анализа в социологии*. Уникум-центр.
17. Кутковая, Е. С. (2014). Нарратив в исследовании идентичности. *Национальный психологический журнал*, 4(16), 23–33.
18. McAdams, D. P. (2011). Narrative identity. *Handbook of Identity Theory and Research* (pp. 99–115). Springer.
19. Labov, W., & Waletzky, J. (1966). Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society* (pp. 12–44). University of Washington Press.
20. De Fina, A. (2003). *Identity in Narrative: A study of immigrant discourse*. John Benjamins Publishing Company.
21. Обдалова, О. А., & Левашкина, З. Н. (2019). Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности. *Язык и культура*, 48, 332–348.
22. Обдалова, О. А., Минакова, Л. Ю., & Соболева, А. В. (2017). Дискурс как единица коммуникативного и речемыслительного процесса в коммуникации представителей разных лингвокультур. *Язык и культура*, 37, 205–228.
23. Егоршина, Н. В. (2002). *Нарративный дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации* [Диссертация ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Тверь].
24. Hashimoto, A. (2015). *The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan*. Oxford University Press.
25. Ярская-Смирнова, Е. Р. (1997). Нарративный анализ в социологии. *Социологический журнал*, 3, 38–61.
26. Кибрик, А. А. (2018). Русское культурное и языковое влияние на атабасков Верхнего Кускоквима. *Традиционная культура*, 4, 11–19.
27. Роблес Эррера, А., & Малинко, Д. А. (2018). Конкиста: влияние на развитие Латинской Америки. *Актуальные проблемы экономики и управления*, 2(18), 93–99.
28. Колмогорова, А. В., & Горностаева, Ю. А. (2021). *Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки*. Сибирский федеральный университет.

29. *Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España*. (2019, marzo). (2023, July 10). https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/605167/CPM_Carta_presidente_AMLO_al_rey_Espa_a__11ene21.pdf
30. *Discurso 500 años de Resistencia Indígena*. (2021). (2023, July 10). <https://www.youtube.com/watch?v=3k7uzQc3Thc>
31. *¿Debe España Pedir perdón por la Conquista?* (2019). (2023, July 10). <https://www.youtube.com/watch?v=17hxWw4aPlg>
32. *La disculpa por la Conquista que España (ya no) le debe a México, según México*. (2021). Últimas noticias. El Confidencial. (2023, July 10). https://www.elconfidencial.com/mundo/2021-07-29/la-innecesaria-disculpa-que-espana-ya-no-le-debe-a-mexico_3202148/

References

- Alexander, J. C. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. University of California Press. (In English).
- Eyerman, R. (2001). *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African Identity*. Cambridge University Press. (In English).
- Smelser, N. J. (2004). Psychological Trauma and Cultural Trauma. *A Cultural Trauma and Collective Identity* (pp. 31–59). University of California Pres. (In English).
- Manz, B. (2002). Terror, Grief, and Recovery: Genocidal Trauma in a Mayan Village in Guatemala. *Annihilating Difference: The Anthropology of Genocide* (pp. 292–309). University of California Press. (In English).
- Giesen, B. (2004). *Triumph and Trauma*. Paradigm Publishers. (In English).
- Alexander, J. C. (2016). Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of ‘Holocaust’ and other mass murders. *Thesis Eleven: SAGE Journals*, 1, 3–16. (In English).
- Budyukin, D. A., & Linchenko, A. A. (2015). The constructive and destructive forms of social memory mythologizing in the past and at present. *Dialogue with Time*, 53, 384–391. (In Russ.).
- Linchenko, A. A. (2018). The past, which does not leave: memory of the War and Holocaust in Lithuania. *Dialogue with Time*, 63, 378–382. (In Russ.).
- Anikin, D. A., & Golovashina, O. V. (2017). Trauma to Cultural Memory: Conceptual Analysis and Methodological Bases of Research. *Tomsk State University Journal*, 425, 78–84. (In Russ.).
- Rozhdestvenskaya, E. (2017). Representation of Cultural Trauma: the Museification of the Holocaust. *Logos*, 5, 87–114. (In Russ.).
- Sztompka, P. (2000). Cultural Trauma: The Other Face of Social Change. *The European Journal of Social Theory*, 3(4), 449–466. (In English).
- Eyerman, R. (2004). Cultural Trauma. *A Cultural Trauma and Collective Identity* (pp. 30–60). University of California Press. (In English).
- Hayes, P. (1999). *Lessons and Legacies. Memory, Memorialization, and Denial*. Northwestern University Press. (In English).
- Shmid, V. (2003). *Narratology. Yazyki slavyanskoj kul'tury*. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2002). Essay on Contemporary Narratology. *Critique & Semiotics*, 5, 5–31. (In Russ.).
- Trocuk, I. V. (2006). *Theory and Practice of Narrative Analysis in Sociology*. Unikum-centr. (In Russ.).
- Kutkovaya, E. S. (2014). Narrative in Identity research. *National Psychological Journal*, 4(16), 23–33. (In Russ.).
- McAdams, D. P. (2011). Narrative identity. *Handbook of Identity Theory and Research* (pp. 99–115). Springer. (In English).
- Labov, W., & Waletzky, J. (1966). Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society* (pp. 12–44). University of Washington Press. (In English).

20. De Fina, A. (2003). *Identity in Narrative: A study of immigrant discourse*. John Benjamins Publishing Company. (In English).
21. Obdalova, O. A., & Levashkina, Z. N. (2019). «Narrative» as a Cultural Phenomenon and an Object of Discursive Activity. *Yazyk i kul'tura*, 48, 332–348. (In Russ.).
22. Obdalova, O. A., Minakova, L. Yu., & Soboleva, A. V. (2017). Discourse as a Unit of Communicative and Verbal and Cogitative Process in Communication of Representatives of Different Linguocultures. *Yazyk i kul'tura*, 37, 205–228. (In Russ.).
23. Egorshina, N. V. (2002). *Narrative discourse: Semiological and Linguocultural Aspects of Interpretation* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.19. Tver']. (In Russ.).
24. Hashimoto, A. (2015). *The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan*. Oxford University Press. (In English).
25. Yarskaya-Smirnova, E. R. (1997). Narrative Analysis in Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 3, 38–61. (In Russ.).
26. Kibrik, A. A. (2018). Russian Cultural and Linguistic Influence Upon Upper Kuskokwim Athabaskans. *Tradicionnaya kul'tura*, 4, 11–19. (In Russ.).
27. Robles Herrera, A., & Malinko, D. A. (2018). The Conquest of Latin America and Its Influence on the Development of Latin America. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya*, 2(18), 93–99. (In Russ.).
28. Kolmogorova, A. V., & Gornostaeva, Yu. A. (2021). *Verbal Markers of Manipulation in the English Polarized Political Discourse: Parametrization and Automatic Processing*. Siberian Federal University.
29. *Carta a Su Majestad, Felipe VI, Rey de España*. (2019, marzo). (2023, July 10). https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/605167/CPM_Carta_presidente_AMLO_al_rey_Espa_a__11ene21.pdf (In Spanish).
30. *Discurso 500 años de Resistencia Indígena*. (2021). (2023, July 10). <https://www.youtube.com/watch?v=3k7uzQc3Thc> (In Spanish).
31. *¿Debe España Pedir perdón por la Conquista?* (2019). (2023, July 10). <https://www.youtube.com/watch?v=17hxWw4aPlg> (In Spanish).
32. *La disculpa por la Conquista que España (ya no) le debe a México, según México*. (2021). Últimas noticias. El Confidencial. (2023, July 10). https://www.elconfidencial.com/mundo/2021-07-29/la-innecesaria-disculpa-que-espana-ya-no-le-debe-a-mexico_3202148/ (In Spanish).

Информация об авторе

Юлия Андреевна Горностаева — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета.

Information about the author

Yulia A. Gornostaeva — PhD (Philology), Associate Professor of the Department of the Theory of Germanic and Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.